

Анна Байрашная

Наказаны любовью
В доме врага

Часть 2

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Анна Байрашная
В доме врага. Часть 2

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Байрашная А. С.

В доме врага. Часть 2 / А. С. Байрашная — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

ISBN 978-5-5321-1897-3

Главы двух враждующих кланов на юго-востоке Турции решают остановить многолетнее кровопролитие свадьбой своих детей. После свадьбы девушка решается сбежать за границу, не понимая, что ни к чему хорошему это не приведёт... Над обложкой работала Ясмин Агаларова. В оформлении обложки использовано фото Анны Байрашной. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-1897-3

© Байрашная А. С., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Наконец-то наступило утро, и мы полетели в Стамбул. После напряженного полета нас встретили в аэропорту Стамбула. Я ехала в одной из машин вместе с Вуралом, госпожой Белькиз, сестрой Ферее и ее дочерью Ясмин. Эта прелестная девочка смотрела на меня, не отводя взгляд. И я осмелилась ее спросить:

– Почему ты так смотришь на меня?

– Просто.

Увидев, как я завела разговор с девочкой, сестра Ферее прижала ее к себе, а госпожа Белькиз со злобой прокричала:

– Разговаривай с ребенком нормально!

– Мама, а что она такого сказала? – спросил у нее Вурал.

Я уже не могла выдерживать этого унижения И заплакала, смотря в окно. Ясмин еще раз посмотрела на свою маму И потом сказала ей:

– Мама, а невестка плачет!

Женщина злобно посмотрела на меня исподлобья и сказала:

– Пусть плачет! Пусть проплачет до конца своей жизни!

Ее слова сильно ранили меня. Мне неожиданно стало так больно, как никогда раньше. Сидя в машине И смотря в окно, я наблюдала, как жизнь мчится перед моими глазами, как эти дома, витрины, рекламные щиты. Я понимала, что теперь меня ничего здесь не держит, казалось, что та ниточка, за которую держалась, порвалась, И я падаю в ту черную глубокую пропасть. Глядя на ручку двери машины, я подумала, что это И есть шаг к свободе, шаг к моему освобождению от этого ада. Рука, словно замороженная, стала ласкать эту маленькую черную ручку автомобиля. Я ничего не слышала, закрыла свои печальные глаза, резко открыла дверь И выбросилась из машины. Это все произошло так молниеносно, что никто ничего И не понял. Лишь услышали скрежет тормозов И сильный стук.

Иногда у нас нет иного выхода, кроме как покончить с собой, для того чтобы стать свободным и не причинять боль окружающим. Мы совершаем эти безумства от безысходности, когда нет иного выхода. Если ты решишь остаться в этих муках, ты будешь словно выбросившийся на песчаный берег и яркое солнце кит. А я решила залечь на дно этого океана.

Несчастливая Ферее от испуга ничего не могла вымолвить. А маленькая девочка с ужасом плакала И кричала:

– Мама! Мама! Мама! Бихтер выпала из машины!

Вурал резко остановил автомобиль и оглянулся назад, но меня не было на заднем сиденье, лишь была открыта дверь. Он в ту же секунду выскочил из машины, увидел перед собой ужасную картину: я лежала почти под колесами мощного внедорожника, на бампере автомобиля была большая вмятина с пятнами крови, И огромная лужа крови была подо мной. От сильного удара у меня болело все тело. Я была в сознании и смутно видела, как Вурал подбежал ко мне. Малютка Ясмин тоже выбежала из машины И что-то кричала, но в моих ушах все звуки смешались. Сестра Ферее пыталась успокоить ее, но это у нее не выходило. Я все лежала И нашептывала чуть слышно:

Я слушаю Стамбул с закрытыми глазами.

...Как на рассвете с утреннею мглой,

В лесу с росистой листвою...

Приду к тебе весною.

Я слушаю Стамбул с закрытыми глазами.

Под осенний дождь я приду к тебе росой

И положу четыре розы

На надгробие твоей могилы.

...Тихонько шепчется с листвою...

И ты идешь ко мне мечтою,

Как Бог, сошедший с тех небес.

Я слушаю Стамбул с закрытыми глазами.

Я слушаю... Я... Стамбул...

Не дошептав это стихотворение, я потеряла сознание.

Вурал подбежал и упал на колени около меня, лаская мои волосы, стал шептать:

– Прости меня, Бихтер. Я не хотел, чтобы так произошло! Не хотел.

Он заплакал, обнял мою голову и продолжал рыдать. Кто-то из толпы, которая собралась вокруг нас, вызвал скорую. Доносились крики: «Она мертва!», «Не знаю», «Возможно», «Нет, смотрите, она дышит», «Значит, жива», «Интересно, а зачем она это сделала?», «Не знаю», «Возможно, этот парень ее муж?», «Нет. Кажется, он ее брат».

Я лежала на асфальте, бледная, вся в крови и ссадинах. Они были на лице, руках И по всему телу. Лежала И словно задыхалась, мне было все тяжелее И тяжелее дышать. В этот момент мне казалось, что я стою одна в пустыне. Там никого вокруг не было – лишь я одна. Невыносимая жара поглощала меня, а солнце светило все ярче И ярче, под ногами – раскаленный песок, в котором увязли мои ноги. Внезапно я услышала позади себя шаги, а когда обернулась, то увидела стоящую передо мной маленькую принцессу Мельтем, нежную, как душистая роза, Топрак и жизнерадостного Юсуфа. Эта счастливая семья радостно смотрела на меня. Маленькая Мельтем подошла ко мне И сказала:

– Отомсти за нас. Не смей умирать. Преврати их жизнь в ад ради нас.

После того как Мельтем сказала эти слова, они все исчезли. Я попала в темноту, где мне не хватало воздуха, чтобы дышать и говорить, казалось, что я нахожусь в гробу под толщей сырой земли.

Через пять минут после вызова скорой помощи она уже была на месте. Меня подняли на носилки, вскоре приехала полиция. Жандармы осматривали место происшествия, составляли протокол. Один из жандармов, прочитав мое удостоверение личности, сказал:

– Женщина двадцати лет. Зовут Бихтер Устюн. По словам родных, она выпала из автомобиля.

Медсестра из скорой помощи промолвила:

– Давление очень низкое! Она без сознания. – Носилки покатали в карету скорой помощи, как вдруг Вурал кинулся вслед за мной с криками:

– Бихтер! Бихтер! Не умирай, Бихтер! Скажите мне, что с ней? Скажите, она выживет? Бихтер! Бихтер!

– Господин, господин, успокойтесь!

Двое полицейских попытались удержать его, успокоить. Из этого шума вновь послышался голос медсестры:

– Дыхания нет. Сердце остановилось.

Вурал услышал эти слова, отчего обезумел, он кричал голосом, полным страдания:

– Хочу вернуть время назад. Хочу, чтобы с Бихтер ничего не произошло. Хочу, чтобы это был просто дурной сон. Хочу, чтобы Кималь был жив.

Госпожа Белькиз сидела в ужасе, впервые прослезившись, она подумала о сострадании. Госпожа Фереди тоже никак не могла поверить в то, что я решилась покончить с собой. Женщина усадила ребенка в автомобиль рядом с собой, в надежде, что Ясмин успокоится И перестанет плакать.

Вурала держали двое жандармов. Они просили его успокоиться, но он словно обезумел. Карета скорой помощи включила сирену И помчалась в больницу.

Все считают, что нельзя жить в постоянной спешке И суете. Иногда нужно остановиться... У меня не получается это сделать. В молодости человек смотрит только вперед, а в старости – назад. Ум, чувства умиротворяются с годами. Для этого я должна состариться? Может, и нет? Это нелегко. Кто знает? Иногда мне кажется, что лучше пустить жизнь на само-

тек. Нужно жить только сегодняшним днем. Не стоит оглядываться назад, в прошлое, и не стоит бояться будущего. Но легко сказать.

...Я шла по лесной дороге. Вокруг меня росли красивые цветы, воздух был наполнен лесными запахами. Я все шла И шла, не оглядываясь назад, на тот серый мир, оставленный мною позади. Те черные будни убегали от меня все дальше И дальше.

В больнице врач боролся за мою жизнь.

– Готовьте операционную.

– Хорошо, господин доктор, – ответила ему медсестра.

Пульса все не было, но доктор не терял надежду и продолжал делать массаж сердца.

В бессознательном состоянии я уходила все дальше и дальше от всех своих прежних переживаний и страданий, удаляясь в ярком блеске солнца. Неожиданно позади себя услышала шорох, остановилась И оглянулась назад. Савашь стоял передо мной. Он смотрел на меня очень зло И вдруг сказал:

– Куда ты собралась, Бихтер? Решила оставить меня одного в этом брэнном мире, да? А как же месть? Эти ничтожества останутся без наказания?

Глядя на него, я не могла понять, о чем он говорит, что он имеет в виду. Но он посмотрел на меня И опять сказал:

– Если ты хочешь, чтобы все получили по заслугам, то ты дашь мне свою руку, И мы вместе отомстим за нас. И за всех тех, кому они причинили вред.

Савашь прижал ко мне свою руку И прошептал:

– Ты со мной? Не бросишь меня одного здесь?

Я стояла и смотрела на своего любимого, не понимая ничего.

Мне продолжали делать массаж сердца. Доктор терял последнюю надежду, но твердил лишь одно:

– Пульса нет. Дайте пять миллиграммов адреналина, немедленно!

Доктор все время смотрел на прибор для измерения жизненных показателей. Он почти потерял надежду на то, что мое сердце вновь начнет биться.

А в моей душе загорались чувства и искры. Увидев любимые глаза Саваша, я снова взяла его за руку И пошла вместе с ним. В этот серый мир, полный мрака и горечи переживаний, утрат и боли.

Мы шли вместе с Савашем, как раньше, по берегу моря, снова обнимаясь, улыбаясь И радуясь каждому счастливому моменту в нашей жизни. Казалось, что мы начали новую жизнь.

Доктор из последних сил продолжал спасать меня. Вскоре он сказал:

– У больной появился пульс! Дайте скорее пять миллиграммов атропина!

Вскоре о том, что произошло, узнал господин Мехмет Сорал, мой отец. Ему сообщила об этом госпожа Белькиз. Удивительно, но отец сильно испугался за меня. У него поднялось давление от паники. Он не задумывался, что станет с ним, если я умру. Умирает его единственная дочь? Что ему делать? Ведь эту линию жизни он сам мне выбрал. Отец купил билет на ближайший рейс до Стамбула. На его душе было очень скверно, как никогда ранее. Эта сумасшедшая гордость и его бешеный нрав сразу куда-то исчезли. Он превратился в маленького ребенка. Каким бы человек ни был всемогущим, он всегда останется простым смертным.

В больнице в комнате ожидания сидел Вурал вместе с госпожой Белькиз. Он все время плакал и твердил своей матери, что во всем происшедшем виноват только он сам. Что ему не нужно было соглашаться на этот брак. От этого не было никакой пользы. Вурал считал себя виноватым во всем. Госпожа Белькиз сидела в инвалидном кресле и плакала. Приблизившись к сыну, она взяла его ладони в свои руки И сказала, смотря прямо ему в глаза:

– Здесь нет твоей вины. Виновата лишь только я одна. Когда я совершила этот проступок, я даже бровью не повела, спала спокойно по ночам и не сожалела о содеянном. Сейчас же я на тебя не могу спокойно смотреть. В том, что произошло, виновата только я.

Вурал удивленно спросил ее, что она имела в виду. Но госпожа Белькиз лишь только опустила глаза. С чувством вины она повторяла ему вновь И вновь:

– Знаешь, сынок, давай ты об этом узнаешь тогда, когда должен будешь узнать.

Прослезившись, она посмотрела в глаза своего сына И подумала: «Навряд ли ты об этом узнаешь. А если и узнаешь, то не простишь меня. Ты станешь таким же отдаленным, как и Каан. Между вами есть только одна разница. Ты знаешь, что я твоя мать, а он нет. Ты возненавидишь меня. А он нет».

1984 год. Сентябрь. Турция. Измир. Илдыр. Молодая симпатичная девушка двадцати пяти лет стояла у причала, где рыбаки отправлялись в море. Девушка казалась печальной – вот уже третий раз за этот месяц она приходит сюда, держа в руках письмо и нежно лаская свой большой живот: в ней была еще одна жизнь. Сильный морской ветер раздувал ее темно-каштановые волосы, а юбка у платья колыхалась и облепляла ее ноги. Прохладный осенний ветер придавал ей уверенности в том, что Каан вернется. Она каждый раз перечитывала это письмо, стоя на причале. Так И в этот раз, раскрыв конверт, вновь стала перечитывать его. На конверте было написано – Белькиз. В самом же письме было следующее: «Любимая, милая моя Белькиз! Юный цветочек мой! Душистее тебя нет никого на этом свете. Сегодня я пишу это письмо, вдыхая аромат твоих волос, смотря в твои очаровательные глаза. Я узнал, что сильнее жизни люблю тебя. Эта ночь придала мне сил, чтобы похитить тебя и увезти далеко-далеко. Туда, где нас никто и никогда не найдет. Даже твой отец, господин Бора. Я не сказал тебе, что ухожу в рейс, только лишь потому, что наш капитан принял поспешное решение. Синоптики передали, что в море выходить рискованно. К нам поступил выгодный заказ, и мы сможем заработать на нем много денег. Я увезу тебя отсюда. Господин Бора не сможет выдать тебя замуж за Охмета Устюна. Ты стала моей и останешься ею навсегда. Обещаю тебе – я вернусь, и мы поженимся. Я люблю тебя, Белькиз. С любовью, твой Каан».

Прочитав это письмо, Белькиз опять начала страдать, плакать, то закрывая свои глаза, то открывая их. Она все смотрела в море, в надежде на то, что наконец-то увидит его катер. Но море лишь покрылось рябью на горизонте. Среди тех судов, которые были пришвартованы к причалу, его судна не было. Рыбаки разговаривали между собой и играли в нарды.

– О, опять эта девушка.

– Ты ее здесь уже видел?

– Да, видел. Она в третий раз сюда приходит и все читает свое письмо.

– Возможно, она ждет тут кого-то?

– Дай Аллах тому, кого она ждет, возвратиться из моря живым И невредимым.

– Да, ты прав, брат, в такую погоду вернуться живым – это чудо.

– Шанс не потопить судно – один на миллион.

– Да, еще обещают ухудшение погоды на следующей неделе.

– Дай Аллах, чтобы они вернулись живыми.

– Аминь.

Белькиз вернулась домой вновь опечаленной. Дома господин Бора разговаривал с ее матерью – госпожой Сабихой. Они спорили И кричали друг на друга. Мужчина твердил только одно:

– Как только эта мерзавка родит этого щенка, ты сама лично отдашь его той женщине.

– Нет, я ни за что не отдам своего внука нищей! – кричала она.

– Нет, Сабиха! Ты отдашь его, этого ублюдка, Горкем! А если ты этого не сделаешь, то представь, что будет с нами, с нашим могущественным кланом? Он разрушится, как картонный дом, И враги, словно стервятники, вцепятся нам в горло из-за этого ублюдка. Ты готова все потерять, и даже свою жизнь, ради него?

Женщина увела свой печальный взгляд в сторону И, тяжело вздохнув, промолвила:

– Хорошо, Бора, мы отдадим его Горкем. Но обещай мне, что мы будем помогать ей в дальнейшем.

– Обещаю. Но прошу тебя, перестань менять свое решение И свыкнись с тем, что этот ребенок не наш. Не нужно к нему привыкать. У нашей дочери еще будут дети. Не волнуйся.

Господин Бора обнял госпожу Сабиха и добавил:

– Наша дочь испортилась из-за любви. Ну ничего, мы это исправим.

2011 год. Осень. Турция. Ван.

Савашь был бледным и мокрым от пота. Ему казалось, что он теряет свою единственную Бихтер. Он видел, как я свалилась в пропасть, встала И пошла к нему, взяла за руку, вернула его домой. В этот самый момент парень пришел в себя. Смотря на господина Чинара, он испугался И стал спрашивать:

– Где я? Кто вы? Где Бихтер, Юсуф, Керим, Топрак и Мельтем? Где они?

Старик тяжело вздохнул И промолвил:

– Я Чинар. Так меня зовут. Парень, ты чудом остался жив, я притащил тебя к себе в дом. Сам Всевышний даровал тебе жизнь.

Хоть Савашь и был слаб, но, закрывая свои глаза, он все вспомнил в мельчайших подробностях.

В памяти у него промелькнула та самая картина. Он не выдержал И заплакал, говоря лишь одно:

– Они все погибли из-за меня! Мой брат, друг, невестка И племянница. Они умерли за мою любовь к одной девушке. Она была помолвлена с другим. Они все умерли из-за нас. Моя семья умерла из-за меня.

Чинару от этих слов стало не по себе, он так же, как и Савашь, заплакал, взял настойку И дал ее выпить молодому человеку, успокаивая его. Он надеялся, что время залечит его раны.

Турция. Стамбул.

После попытки самоубийства я перенесла несколько серьезных операций. Я вернулась в этот крошечный ад нашей серой жизни. Мое тело было онемевшим, глаза смотрели в одну точку, руки и ноги были тяжелыми. От беспомощности я не могла плакать, говорить И улыбаться, но слышала, о чем говорили папа и госпожа Белькиз, слушать было противно, я от безысходности закрыла глаза.

Господин Мехмет говорил о том, что ему очень плохо, что его дочь лежит здесь как будто мертвая, а он ничего не может сделать. А госпожа Белькиз ответила:

– Господин Мехмет, не все еще потеряно. Доктор сказал, что еще пара недель – И ваша девочка станет чувствовать свои руки и ноги. А через месяц, дай Аллах, она сможет ходить снова.

На мое удивление, последние слова госпожи Белькиз меня даже обрадовали, И настроение у меня поднялось.

Турция. Ван.

Тем временем Вурал прилетел в Ван. Мужчина приехал за Асу, он подошел к дому, держа букет белых роз, постучал в дверь. Девушка в это время разговаривала с сыном по телефону. Услышав стук, она попрощалась с ребенком, открыла дверь и увидела перед собой Вурала. Молодой человек улыбнулся И промолвил:

– Ты ждала меня?

Девушка улыбнулась ему в ответ. Ее переполняли чувства. Ей показалось, что если она прижмется к нему, то воспарит, как свободная чайка в небе. Асу кинулась ему в объятия. Вурал нежно обнял ее И прошептал ласково:

– Асу, как же я соскучился по тебе... Милая моя, любимая.

Счастливая девушка взглянула в глаза любимого человека:

– Если бы ты знал, как же я люблю тебя. Я думала, ты больше ко мне не подойдешь... После того как ты ушел, ни в чем не разобравшись.

Вурал прижал свой указательный палец к ее алым губам И прошептал:

– Нам нужно с тобой серьезно поговорить. Но это позже.

Он стал ее целовать, И они, словно алая роза И утренняя роса, слились воедино. Они спали, словно две окрыленные розы, порхающие где-то высоко в небе, лаская друг друга нежными лепестками своих бутонов.

Турция. Стамбул.

Шли недели, мое тело становилось все крепче И крепче. Я чувствовала, как прибывали силы. С каждым днем мне становилось все лучше. По результатам последних обследований меня выписали и вскоре привезли в особняк Устюнов. Доктор посоветовал поместить меня в отдельную комнату. Там я смогла бы отдыхать И разрабатывать свои руки И ноги.

В особняке Вурал каждый день заглядывал ко мне и даже помогал с гимнастикой для ног. С каждым днем я все больше и больше воспринимала его как благородного человека. Но мое нахождение в этом особняке сильно огорчало госпожу Фереду. Женщина почти потеряла покой и сон. Она все время говорила Ямин, чтобы она не заходила ко мне в комнату, потому что я внучка убийцы ее родного отца. Фереду обвиняла меня при каждой возможности. Господин Охмет все еще находился в больнице. Доктора утверждали, что ничего хорошего ожидать не стоит. С каждым днем состояние его становилось хуже. Госпожа Белькиз не покидала стен больницы, женщина сидела у его изголовья. Ибрагим вновь уехал в Венгрию. Несмотря на семейные трудности, он вернулся к себе домой. Вурал поговорил с Асу и Назан о переезде в Стамбул. Он купил им новый дом в другой части города, чтобы Асу была как можно дальше от особняка Устюнов. Вскоре девушки приехали в мегаполис. Явуз тоже узнал, что Асу переехала из Вана в Стамбул, и помчался вслед за ней. Савашь так же, как и я, поправлялся. Он пил настойки знахаря, считая его своим отцом. После своего выздоровления он узнал из газет, что Кималь вместе с моей матерью погибли в автокатастрофе, а я вышла замуж за младшего брата Кимала – Вурала, что господин Охмет находится в критическом состоянии в больнице. Но самое страшное – что его ищет полиция и Интерпол Турции. Все утверждают, что это он убил своих родных.

Однажды рано утром я проснулась И встала с кровати самостоятельно, пошла очень медленно на кухню для того, чтобы приготовить себе чай. Как только я его приготовила, в кухню зашла госпожа Фереду. Она гордо подошла к шкафу, будто специально толкнула меня плечом, хотела уйти, но я схватила ее за руку и высказала ей все:

– Зачем ты так поступаешь, сестра Фереду? Что я тебе сделала? Скажи мне, в чем моя вина? Разве я хотела выходить замуж за твоего брата? Я умоляла, падала в ноги! Но твой брат выбрал меня! Меня, понимаешь? Я стала жертвой древних обычаев!

Странно, но мои слова не подействовали на нее. Она стояла словно разъяренная тигрица, которая желала наброситься на меня. И она набросилась с колкими фразами:

– Ты виновата в том, что появилась на свет божий! В том, что это ты! В том, что ты внучка убийцы моего мужа! Из-за твоего деда у тебя тоже руки в крови! Ты вся залита кровью! Вся!

Брошенные фразы взбесили меня. Словно опять началась буря в тихом море. Я прокричала с огромной злобой:

– Не смей! Не смей мне говорить, что мои руки в крови! Если... Если сама не знаешь, в чем твои руки!

Я не видела, что в тот момент, когда я все это говорила, на кухню зашла маленькая Ямин. Девочка шла за водой, как вдруг увидела, что я держу ее маму И словно рычу на нее. Малютка очень сильно испугалась и от ужаса схватила фарфоровый чайник с кипятком И швырнула его в меня с криком сквозь слезы:

– Убийца! Убийца, отпусти мою маму!

Как только чайник ударился об меня, от боли и жжения я отпустила Ферде. Ясмин в ту же секунду подбежала к матери и увела ее из кухни. Она смотрела на меня с глубокой ненавистью, словно ядовитая змея, которая хотела ужалить.

Кипяток ошпарил мне стопы. К сожалению, я только начала ходить, и тут такое. Мои ноги сковала боль, и мне было невыносимо идти. От обиды и боли я села возле осколков этого злополучного чайника и тихонько заплакала. В моей голове проматывались слова этой маленькой девочки: «Убийца, отпусти мою маму!» Смотря на разбитый фарфор, я подумала: «А возможно, Ясмин и права. Я убийца! Ведь из-за меня погибло столько людей, из-за меня. Я принесла в этот дом одни лишь страдания И смерть». От злости я ударила рукой по этим осколкам И не заметила, как порезала руку. Я не ощущала физической боли, я чувствовала, как у меня болит душа из-за мук, мои глаза плакали, моя боль выходила вместе со слезами на волю, чтобы испариться И улечься далеко-далеко, туда, где никого нет.

В это время Вурал только что вернулся из больницы мрачнее грозовой тучи. Когда он проходил мимо кухни, то услышал, как я плакала там. Заглянув туда, молодой человек увидел кровь, осколки разбитого чайника, мои обожженные ноги. Вурал посмотрел в мои несчастные глаза, присел рядышком И спросил меня:

– Бихтер, что случилось? Почему ты одна и к тому же в крови?

Вытирая слезы с глаз, я ответила с грустью в голосе:

– Просто твоя невестка и племянница считают меня убийцей. Они говорят, что мои руки в крови. А знаешь, Вурал, это еще нужно посмотреть, чьи руки залиты кровью. Мои или ваши? Если бы она знала то, что знаю я, она бы молчала и не заставляла бы свою дочь нести этот бред.

Удивительно, но Вурал так расчувствовался, что обнял меня И сказал очень плохую весть:

– Одна беда не приходит в ворота.

Его слова меня насторожили, И я спросила:

– Что-то произошло?

Я по сей день помню, как он посмотрел на меня. В его взгляде была такая тоска И печаль, что в моей груди сжималось сердце. Он сказал эти слова так тихо И осторожно, что на моем месте никто бы не остался равнодушным к нему.

– Папа умер три часа назад.

Мне было искренне жаль его. Я понимала его как никто другой. Я прижала его к груди И сказала:

– Поплачь, не стесняйся никого. Эта рана все равно будет кровоточить. А слезы ее промоют, И она немного затянется.

Так одиноко мы просидели еще долго, до тех пор, пока Вурал не успокоился. Потом он отнес меня в мою комнату, прижимая к груди. Он посадил меня на кровать И взглянул в мои голубые глаза, словно пытался в них найти что-то такое, что могло успокоить его. Но потом увел свой взгляд украдкой вниз. Снова посмотрев на меня, он сказал очень печально И горестно:

– Спасибо тебе. Ты даже не посмотрела на то, что из-за меня ты страдаешь и мучаешься. Ты успокоила меня. Забыв про свою боль, ты утешила мою.

От таких слов моя душа запела. И я ему сказала:

– Мы все люди. Все чувствуем и знаем чувство потери близкого тебе человека. Особенно, если их несколько.

Вурал улыбнулся И вновь нежно взглянул на меня, а после опечаленно И неохотно вышел из моей спальни. Если честно, мне немного показалось, что он что-то почувствовал ко мне. Иначе зачем ему смотреть в мои глаза?

Иногда мы своими поступками меняем свое будущее и будущее окружающих нас людей. Одним взглядом мы подаем знак о своих чувствах и намерениях. Так же и Вурал незаметно своим взглядом кольнул меня прямо в сердце.

Выходя из спальни, Вурал встретил Ферее. Женщина сразу же кинулась на него, стала кричать что есть мочи:

– Что ты за низкий человек! Как ты можешь смотреть на нее и тем более говорить с ней! Плакаться ей в рубашку! Ты, наверное, забыл, что эта девушка – внучка нашего врага!

– Не смей! – озлобленно вскричал Вурал и влепил ей пощечину. В это время из спальни выскочила малютка Ясмин с криками:

– Дядя, не смей бить маму из-за этой убийцы! Я ненавижу тебя, дядя, ненавижу!

Детский вопль и плач словно парализовали мой разум. Крик «убийца» еще больше ранил мое сердце. Я сидела и плакала, думая: за что мне, господи, за что? За какой грех мне выпало столько мук? Малютка Ясмин кинулась с кулаками на своего дядю. Вурал не понимал, откуда девочка набралась такого. Он прослезился, взглянув в заплаканное лицо своей невестки, и задал ей вопрос, который задел ее гордость:

– Невестка, ты этому учишь ребенка? А – а-а? Ну-ка, живо отвечай!

Ферее озлобленно подошла к Вуралу очень близко, прижав к себе дочь И глядя ему в глаза, сказала:

– А разве это не так? Из-за ее деда умер мой муж, если ты не забыл, то этот человек был тебе братом. А из-за нее погибли Кималь и папа Охмет. Так что она – убийца.

После женщина вновь зашла к себе в спальню, а Вурал так И стоял в стороне. Он думал о той несправедливости ко мне. И что-то еще трогало его душу, когда он смотрел на приоткрытую дверь в мою комнату. Казалось, что одна часть его души кричала: «Иди к ней и прижми ее к груди крепче». Другая же твердила: «Не смей! Эта девушка – внучка твоего врага! Она приносит только смерть и больше ничего!» Молодой человек словно стоял на перепутье дорог. Чтобы еще больше не запутаться в самом себе, он решил уйти и поспать у себя в комнате.

Сегодня на улице было ужасно холодно. Начало морозной зимы уже близко. С самого утра с неба срывался то дождь, то снег, была ужасная слякоть на дороге. Солнце практически не появлялось из-за хмурых дождевых туч. А прохожие в Стамбуле бежали с красочными зонтиками, словно муравьи, убегающие от непогоды, скрываясь под зонтом, как под грибом.

Турция. Ван.

Знахарь Чинар жил в старой обветшалой хибаре, она была такой же старой, как и ее хозяин. Но в ней было очень тепло, несмотря на холодное время года. Хижина одаривала всех своей теплотой И уютом, горячим чаем из чабреца, приготовленного знахарем. Дровяная печь, стоявшая посередине комнаты, обогревала весь дом, в котором было всего две комнаты. Савашь уверенно шел на поправку, он даже стал самостоятельно перемещаться по комнатам. Господин Чинар принял его как сына. Ведь его собственный сын пропал. Девушка, которую он любил когда-то больше всего на свете, отдала их сына, тем самым уничтожив душу этого человека. Знахарь почувствовал в этом парне что-то родное и привязался к нему. Рана Саваша стала потихоньку затягиваться. Но душевная рана до сих пор ныла И кровоточила. Бывали такие моменты, когда он хотел покончить с собой. Его спасало то, что старик вовремя возвращался домой. Вот И сегодня господин Чинар отправился за веточками одного кустарника. Это растение было нужно для настойки, которая укрепляет мышцы в теле. В тот момент Савашь еще спал глубоким сном. Из-за травяного отвара он проводил во сне много времени. Когда он спал, ему снился странный сон. Словно бы он стоял на берегу моря, пытаюсь крикнуть, но себя он даже не слышал. Савашь видел корабль, который уплывал в открытое море, там был ужасный шторм. В море образовалась воронка, которая вбирала в себя все, что было вокруг нее. Он увидел, что на борту этого судна стояла я. Я была одета в белоснежное платье. Савашь попытался закричать, но у него ничего не получалось. Его душа погружалась в пучину этого

бескрайнего моря. Он смотрел на то, как корабль затягивает темная пучина моря. Я стояла и смотрела за борт. Неожиданно сзади ко мне подошел Вурал. Мужчина обнял меня, я стала отбиваться, но вдруг прижалась к нему еще сильнее. Савашь оцепенел И смотрел, как его любимая с этим подонком погрузилась в пучину моря. Корабль затянуло в воронку И разрушило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.